

V. A. Razumovskaya, V. E. Tarasenko (Krasnoyarsk) THE SITUATION OF WINE DRINKING: SEMANTICS AND TRANSLATION (BASED ON THE EXAMPLE OF MIKHAIL BULGAKOV'S NOVEL «THE MASTER AND MARGARITA» AND ITS JAPANESE VERSION)

The article discusses semantic situation as a translation unit. The semantic situation of wine drinking is studied in the linguistic and translation aspects. The Russian original of the novel generates a great number of translations into different languages as the novel is considered to be one of the greatest novels of the 20th century literary fiction, as well as one of the foremost Soviet satires. The existing translations have different quality characteristics. The scenes of alcohol drinking are numerous in the analysed text and are directly determined by the national traditions. The situation of wine drinking is represented through a complex semantic model with different actants (subject, object, comitative, causative). One of the major tasks of a translator is to overcome the individual cultural stereotypes of the Russian life and to create the translation which is semantically symmetrical to the original text.

В. А. Разумовская, В. Е. Тарасенко (Красноярск)

**СИТУАЦИЯ ВИНОПИТИЯ: СЕМАНТИКА И ПЕРЕВОД
(НА МАТЕРИАЛЕ РОМАНА М. А. БУЛГАКОВА «МАСТЕР И МАРГАРИТА»
И ЕГО ЯПОНСКОГО ПЕРЕВОДА)**

Ключевые слова: *перевод, японский язык, денотативная ситуация, сценарий, актанты*

Key words: *translation, Japanese language, denotative situation, script, actants*

В настоящей работе предпринята попытка описать фрагмент русской языковой картины мира, связанный с темой винопития, в лингвистическом и переводческом аспектах.

Винопитие является неотъемлемой частью повседневной жизни и занимает особое место в национальной картине мира в каждой из двух рассматриваемых культур – русской и японской.

Как показало обращение к истории и национальным традициям, потребление алкоголя в русской и японской культуре репрезентируется почти исключительно как мужская культурная практика. Потребление алкоголя в русской культуре связано с социализацией молодого человека; в японской – с продвижением по социальной лестнице.

Выделяется пять причин русского пьянства: «традиционная» (культурная), климатическая, физиологическая, психологическая и экономическая (Сергеева 2005: 195). Исследуемый материал показал, что для русской культуры характерно двойственное отношение к пьянству и пьющему человеку. С одной стороны, пьянство как порок осуждается, с другой стороны, обыденность данного явления обуславливает терпимость в России к человеку пьющему, а умеренное употребление спиртного приветствуется. Традиционными остаются представления о поведении человека в состоянии алкогольного опьянения и ощущениях самого пьющего [Мещеряков 2003: 427].

В Японии традиция винопития существенно отличается от русской, что связано, прежде всего, с физиологическими причинами. В японской культуре представлено преимущественно терпимое отношение как к пьющему человеку, так и к употреблению

алкоголя; японское винопитие связано, прежде всего, с продвижением по службе.

В настоящей работе используется методика анализа ситуации, разработанная Т. В. Шмелевой (Шмелева 1994). Денотативная ситуация винопития (далее – СВ) с использованием крепких напитков, закуски и питейной посуды с целью «достижения состояния алкогольного опьянения» и «поговорить», представлена в русском языке глаголом *пить*. СВ включает в себя не только пропозицию действия, но и пропозицию эмоционально-психологического состояния и речевого действия. СВ может быть представлена и через предикат восприятия (зрительного и обонятельного). Репрезентация СВ часто представляет собой и комплексную семантическую модель: 1) субъект – предикат физического действия и одновременно состояния, где СВ является показателем постоянной характеристики субъекта; 2) субъект – предикат физического действия винопития – предикаты последующих действий субъекта, каузированных алкогольным опьянением. Ситуацию винопития можно рассматривать и как сценарную, сложную ситуацию, включающую в себя не только сам процесс винопития, но и подготовку к нему и его последствия. «Первое действие или «фаза» является подготовкой к СВ (поиск места, партнеров (собутельников), денег на покупку алкоголя, покупка алкоголя); «второе действие» – процесс винопития; «третье действие» – последствия винопития: неконфликтный вариант и конфликтный – скандал, драка и т.п. Популярный художественный фильм Э. Рязанова «ИРОНИЯ СУДЬБЫ, ИЛИ С ЛЕГКИМ ПАРОМ!» с этих позиций можно трактовать как реализацию сложного сценария ситуации винопития.

Актанты СВ: субъект, объект, комитатив, инструмент и каузатив, сирконстанты – темпоратив и локатив. Анализ исследуемого материала показал, что в разных типах текстов набор их зависит от характера текста: качественно и количественно. В анекдотах СВ представлена шире, чем в художественном тексте (с позиции количества и качества репрезентируемых предикатов и актантов). В художественном тексте выбор предикатов и участников винопития задаётся авторским замыслом и сюжетом (Тарасенко 2004; Тарасенко Т., Тарасенко В. 2010).

Ситуация винопития в романе М. А. Булгакова представлена изоморфно через предикат *выпить* как результирующий от *пить* и через предикаты физического восприятия. В романе СВ высту-

пает каузатором последующих за винопитием физических состояний, манифестантом которых могут быть внешние признаки или действия. В ситуацию винопития в романе М. А. Булгакова включены персонажи – жители советской Москвы, в том числе «нечистая сила» – Воланд и его свита. Анализ примеров показал, что на выбор объекта винопития влияет гендерный аспект: мужские персонажи предпочитают *водку* и *коньяк*, женские – *шампанское* и *вино*. Среди объектов винопития, встречающихся в тексте романа и предпочитаемых его героями, первое место принадлежит *водке*, которая выступает в качестве не только алкогольного напитка, но и «лекарства» против похмелья. Актанты, обозначающие питейную посуду, выполняют в СВ роль инструмента: водку пьют *стопками*, *лафитными стаканами*; вино – *чашами*; шампанское – *бокалами*; коньяк – *стаканами* или *стопками*. Особое внимание автор романа «МАСТЕР И МАРГАРИТА» уделяет закуске (комитативу).

Исследование языкового материала показало, что можно говорить и о такой теме, представленной в романе М. А. Булгакова, как «культура винопития». Так, главные герои Воланд и Маргарита наглядно демонстрируют культуру винопития ушедшей эпохи, которой противопоставляется другая – «новая» культура винопития советской Москвы (Лиходеев, Никанор Иванович Босой, посетители ресторана МАССОЛИТА и др.).

Роман М. А. Булгакова «МАСТЕР И МАРГАРИТА» справедливо считается одним из выдающихся художественных произведений русской литературы XX века. Оно неоднократно становилось объектом перевода и переводческой аттракции. Будучи опубликованным в 1966-1967 годах (более чем через четверть века после смерти автора), уже в 1967 году роман выходит в свет в переводах в различных странах мира. Эстетическая и художественная ценность, своеобразие языка, устойчивый интерес к сюжетным линиям и персонажам романа генерируют иноязычные переводы «МАСТЕРА И МАРГАРИТЫ». Многочисленные переводы появляются как в различных родственных и неродственных лингвокультурах, так и в пределах одной лингвокультуры. В настоящее время известно семь переводов романа на английский язык, выполненных в США и Великобритании, восемь китайских переводов; существуют немецкие, французские, испанские, польские, украинские переводы.

В Японии роман «МАСТЕР И МАРГАРИТА» впервые был переведен в 1969 году Юко Ясуи под названием «ДЬЯВОЛ И МАРГАРИТА» (перевод выполнен с итальянского перевода). В 1977 году появляется перевод Т. Мидзуно. В 2000 году третий японоязычный вариант романа «МАСТЕР И МАРГАРИТА» был опубликован в двух томах. Перевод осуществила Аяко Хоки (Омори 2006). Переведен роман и на язык эсперанто. Роман М. А. Булгакова неоднократно выступал объектом и межсемиотического перевода: театральные постановки, оперы. Существует восемь экранизаций романа. Первой экранизацией был фильм «ПИЛАТ И ДРУГИЕ» А. Вайды (1971 год, ФРГ). Последняя киноверсия («МАСТЕР И МАРГАРИТА») снята В. Бортко (Россия) в 2005 году.

Возникновение иноязычного перевода художественного произведения напрямую связано с ответом на вопрос о качестве данного перевода. Проблема качества перевода, с точки зрения лингвистической теории перевода, может быть переформулирована как проблема переводческого тождества. Исследование соотношения оригинала и перевода художественного текста предполагает экспликацию переводческих связей, ответственных за передачу исследуемых художественных образов. Значимой проблемой в данном контексте представляется асимметрия языковой формы художественного текста.

Многочисленные обращения исследователей к вопросу о статусе категории изоморфизма и её конституирующих субкатегорий и свойств в лингвистике и переводе свидетельствует об отсутствии единой лингвистической и переводческой концепции изоморфизма (Соколовский 2009). Несомненным является рассмотрение переводческого изоморфизма как отношения структурного тождества между текстом оригинала и текстом перевода, фиксируемое на определённом языковом уровне с помощью неких языковых средств. Изучение соотношения фрагментов оригинала и перевода показывает, что семантическая ситуация и репрезентирующие её предикаты и актанты в принципе изоморфны. Одновременно с этим при переводе присутствует регулярная асимметрия, детерминированная, с одной стороны, актуализированными связями в самом тексте, когда в переводе на уровне лексем появляются добавления/опущения семантических компонентов оригинала, обусловленные системными различиями языков, а с дру-

гой – объективными различиями культур, участвующих в процессе перевода.

Рассмотрим указанные теоретические и практические вопросы подробнее. При переводе художественного текста переводчик должен избегать индивидуальных и коллективных стереотипных представлений о нации, чья культура является предметом его анализа; быть объективным и непредвзятым интерпретатором незнакомых ему реалий другой этнокультуры. Как показывают исследования переводов русской и советской литературы на английский и китайский языки, «живучие» стереотипы, глубоко укоренившиеся в сознании переводчика, могут приводить к поверхностному истолкованию заложенного в оригинальном тексте смысла и искажать его при переводе» (Кирсанова 2009: 201; Разумовская, Цзан Годун 2009; Тарасенко, Ян Минбо 2009).

Рассмотрим примеры перевода СВ из романа М. А. Булгакова «МАСТЕР И МАРГАРИТА» на японский язык. Перевод выполнен Мидзуно Тадао (Тадао 1977). Поскольку японский язык не является родным для автора данного исследования, то для установления значения мы прибегали к помощи лексикографических источников (Лаврентьев 2002; Японско-русский компьютерный словарь иероглифов 2007; Bunt 2001).

Группа глаголов ситуации винопития с общим значением «выпить» в оригинальном тексте романа М. А. Булгакова представлена следующими глаголами, которые близки в основном значении, но различаются семантическими и стилистическими оттенками.

Глагол *выпить* как показатель определенного этапа СВ имеет в своём значении компонент ‘*быстро*’;

выпить до дна – выпить быстро и без остатка в питейной посуде;

выпить залпом – выпить быстро, сразу, без передышки;

осушить – выпить содержимое чего-нибудь до дна (разг.);

осушить залпом – выпить содержимое чего-нибудь до дна (разг.), сразу, без передышки;

тяпнуть (прост.) – выпить спиртного; выпить очень проворно – выпить быстро и ловко, играючи.

Японский переводчик выбирает при переводе один глагол: 飲みほし, который обозначает «пить крепкие алкогольные напитки».

ки залпом», вследствие чего авторские нюансы в переводе оказываются потерянными.

Например, в романе М. А. Булгакова читаем: *Маргарита покорно выпила, думая, что тут же ей и будет конец от спирта*; у переводчика:

これを飲むと死んでしまうのではないかと思いながら、マルガリータは従順に飲みほした。 - «Думая, что, выпив это, она точно умрёт, Маргарита покорно выпила все до капли». Или: *Сидели мирно, совершенно тихо, закусывали...* В переводе стало: *маったく、わかりません！おとなしく、静かにすわって食事をしはじめたのです。。* - «Мирно, тихо сидели, ели...». Потерян определенный смысл оригинала: глагол *закусить* в данном случае является показателем ситуации винопития, то есть, участники ситуации общались и выпивали одновременно, в переводе этот смысл утерян, так как глагол *закусить* заменен на глагол *есть*. Объяснением этого может служить следующее. Во-первых, сама японская традиция винопития, в которой не принято закусывать вообще, так как выпивка предполагает более слабые алкогольные напитки (16 градусов); во-вторых, в японском языке слово *закуска* заимствовано из французского и не имеет такого значения, как в русском языке: «еда, которой закусывают выпитое вино» (Русский семантический словарь 2000: 251).

Анализ переводов текстовых фрагментов, в которых представлены внутрипрепозитивные смыслы, а именно, объекты винопития, питьевая посуда и её объём, закуска, - показал, что они в целом передаются симметрично. Сложными для переводчика оказалось перевести на японский язык слово *спирт*. Для передачи лексем *спирт* в переводе появляется английская лексема *alcohol* アルコール (*arukougu*), показывающая неяпонское происхождение напитка (традиционно крепость японских напитков, как мы уже отмечали, не превышает 16 градусов), кроме неё есть и японская лексема 混じりけのないアルコール “неочищенный алкоголь”. Булгаковское «... он совершенно перестал пить портвейн и пьёт только водку, настоящую на смородиновых почках, отчего сильно поздоровел», - переведено как ポートワインを飲むのをきっぱりとやめ、飲むものといったらすぐりの実を浸したウォッカばかりで、そのためにたいいそう健康になったそうである。 - «Портвейн пить вообще перестал, а если и

пьёт, то только водку, настоянную на смородине, отчего, говорят, поправил здоровье». В японском языке нет слова «смородина», поэтому переводчик выбирает слово «смородина» как заимствованное, не уточняя смысл, что водка была настоящая на почках ягодного кустарника, что отражает русскую кулинарную традицию.

Для передачи количества выпитого используется лексема 杯 (hai) со значением «рюмка, чарка». Нужно заметить, что её основное значение «ёмкость для напитка», а дополнительное значение она получает в контексте: например, *hai + кофе = чашка кофе*, *hai + водка = рюмка/стопка водки*, *hai + вино = бокал вина*. Однако наряду с иероглифом *hai* переводчик использует и английское *glass - グラス*. В переводе трудно определить, где автор соблюдает симметрию при переводе, а где нарушает её, так как выбор питейной посуды не всегда понятен. Можно предположить, что английская лексема *glass* в переводе используется в качестве синонима лексической единицы, выраженной иероглифом 杯 (hai).

Булгаковский *лафитный стакан* (стопка на ножке для водки удлинённой формы, объём – 125 г.) передаётся как бокал для вина – *ワイングラス*, тем самым меняется не только информация о количестве напитка, но и о самом напитке.

Итак, при переводе с русского языка на японский язык высказываний, описывающих ситуацию винопития, наблюдается явная асимметрия. В переводе часто нейтрализуются стилистические особенности глаголов винопития. Причина кроется, на наш взгляд, в семантике японского глагола 飲みほし, значение которого уже по семантическому объёму, чем у русского глагола *выпить* и его синонимов. С другой стороны в семантике японского глагола есть сема ‘до дна, до капли’, которой нет у русского глагола. Способ выпивания (*проглотить*, *осушить*, *тяпнуть*) не передаётся в японском языке посредством одной лексической единицы. В японской культуре не представлено понятие *закуска* как элемента ситуации винопития. Слово «закуска» в японском языке отсутствует, есть только заимствование из французского языка *hors d'oeuvre* («небольшое количество еды подается в холодном виде перед основным блюдом»). Поэтому в японском переводе романа М. А. Булгакова глагол *закусить* в узком значении ‘заесть выпитое вино’, в широком – ‘выпивать’ вообще не представлен. По

этой же причине при переводе закуска, описываемая в романе, «потеряла» изысканность и аристократизм. Наблюдается асимметрия и при передаче наименований питейной посуды: по нашему мнению, выбор способов номинаций питейной посуды ничем не мотивирован. Переводчик достаточно вольно заменяет один вид посуды на другой, вследствие чего нарушается симметрия в переводе при передаче информации об объёме выпитого алкоголя.

Таким образом, можно утверждать, что представления о русском национальном характере, а в частности, о таком качестве русского человека как любовь к крепким алкогольным напиткам и их неумеренное потребление, является стереотипным, в том числе и для переводчика. Существование стереотипов зачастую приводит к поверхностному истолкованию художественного текста и искажению его в переводе, тем самым формируя и закрепляя национальные стереотипы и у читателя переводного текста.

ЛИТЕРАТУРА

1. Кирсанова, Е. М. К вопросу о влиянии стереотипов на процесс перевода / Е. М. Кирсанова // *La traduction: philosophie, linguistique et didactique*. – Université Charles-de-Gaulle – Lille 3. – Lille, 2009. – Рр. 197-201.
2. Мещеряков, А. Н. Книга японских символов. Книга японских обыкновений / А. Н. Мещеряков. – М.: Наталис, 2003.
3. Омори, М. Восприятие М. А. Булгакова в Японии / М. Омори. – *Новый филологический вестник*. – 2006. – № 2. – С. 188-194.
4. Разумовская, В.А. Юмористический дискурс как переводческая проблема (на материале переводов романа И. Ильфа и Е. Петрова «ДВЕНАДЦАТЬ СТУЛЬЕВ») / В. А. Разумовская, Цзан Годун // *Вестник ИГЛУ*. – № 4. – Иркутск, 2009. – С. 87-93.
5. Сергеева, А. В. Русские. Стереотипы поведения, традиции, ментальность / А. В. Сергеева. – М.: Флинта, 2005.
6. Соколовский, Я. В. Соотношение оригинала и перевода художественного текста: изоморфно-когнитивный подход: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19. – Иркутск, 2009.
7. Тарасенко, Т. В. Ситуация винопития и её отражение в анекдоте / Т. В. Тарасенко // *Международный симпозиум Проек*

ты по сопоставительному изучению русского и других языков. – Београд: Чигоја штампа, 2004. – С. 179-184.

8. Тарасенко, Т. В. Стереотипы и процесс перевода / Т. В. Тарасенко, Ян Минбо // Наука о переводе сегодня. Перевод и смысл: Материалы II международной конференции. – М.: Изд. Высшая школа перевода МГУ, 2009. – С. 190.

9. Тарасенко, Т. В. Ситуация винопития в анекдоте и художественном тексте (на материале пьес А.П. Чехова) / Т. В. Тарасенко, В. Е. Тарасенко // Русский язык и культура в зеркале перевода. Материалы II международной научной конференции. – Салоники, М.: Изд. Высшая школа перевода МГУ, 2010. – С.528-535.

10. Шмелева, Т. В. Семантический синтаксис: Текст лекций из курса «Современный русский язык». – Красноярск, Краснояр. гос. ун-т, 1994.

Источники

1. Русский семантический словарь. Толковый словарь, систематизированный по классам слов и значений / РАН Институт рус. яз. Под общей ред. Н. Ю. Шведовой. – Т. 2. – М.: Азбуковник, 2000.

2. Современный японско-русский словарь / Б. П. Лаврентьев, Л. А. Немзер, Н. А. Сыромятников и др. – 6-е изд., испр. – М.: Живой язык, 2002.

3. Японско-русский компьютерный словарь иероглифов; Версия 3.0. выпуск 10.01.2007; База данных в редакции от 14.09.2007, © 1995-2007.

4. Тадао, Мидзуно. МАСТЕР И МАРГАРИТА, 1929-40. 長編。「巨匠とマルガリータ」

(水野忠夫訳、集英社「世界の文学4」所収、1977.)

5. Bunt, J. Oxford Japanese Minidictionary / J. Bunt, G. Hall. – New York: Oxford University Press, 2001.

Получено 22.08.2010